

Восьмой Российский Философский Конгресс
- «Философия в полицентричном мире» -
Симпозиумы

(Сборник научных статей)

Российское философское общество - Институт философии РАН - МГУ им. М.В. Ломоносова

Издательство «Логос»

Москва 2021

Историческая ответственность в этнонациональном дискурсе: основания конструктов памяти

Овчинников Александр Викторович

Национальный исследовательский Томский государственный университет Лаборатория трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик философского факультета, научный сотрудник, кандидат исторических наук

ovchinnikov8_831@mail.ru

Рассматриваются мировоззренческие и политические основания конструирования образов исторической ответственности в этноориентированном сознании и этноориентированной политической среде. Констатируется, что историческая ответственность в этнонациональном дискурсе преобразовывается в ответственность индивидуальную, т.к. этничность носит тотальный характер и человек оказывается «приписан» к «своему народу» по факту рождения. Отмечаются, в целом, негативные последствия конструирования коллективной исторической ответственности народов, но, в то же время, благодаря мобилизационным возможностям этнических представлений, может быть подготовлено и коллективное покаяние за преступления своих предков (рассматривается пример современной Германии). На отечественном материале прослежены особенности инструменталистского использования в политических целях образов исторической ответственности социальных и этнических групп. Проанализирована роль «доказывающих вину» образов прошлого в обосновании репрессий по отношению к советскому крестьянству, депортированным народам и т.д. На примере одного из российских «национальных регионов» постсоветского времени, Татарстана, проанализирована специфика конструирования определенными политическими силами исторической вины и ответственности одной этнической группы перед другой.

Ключевые слова: модернизация, глобализация, мобилизация, этнонационализм, историческая вина, историческая ответственность, миф.

Historical responsibility in ethnonational discourse: bases of memory constructs. Ovchinnikov Alexander V.

National research Tomsk state University, Laboratory of transdisciplinary research of cognition, language and social practices of the faculty of philosophy

The author considers the ideological and political bases for constructing images of historical responsibility in an ethnooriented consciousness environment. The author stated that historical responsibility in the ethno-national discourse is converted into individual responsibility, since ethnicity has a total nature and a person is «assigned» to «his own people» upon birth. In general, negative consequences of constructing the collective historical responsibility of peoples are noted, but at the same time, by applying the mobilization capabilities of ethnic representations, collective repentance for the crimes of their ancestors can also be prepared (Germany). The author traces the features of instrumentalist using of images of historical responsibility of social and ethnic groups for political purposes. On the example of Tatarstan as the Russian «national regions» of the post-Soviet period the author analyzes the specifics of constructing the historical guilt and responsibility of one ethnic group to another by certain political forces.

Keywords: modernization, globalization, mobilization, ethno-nationalism, historical guilt, historical responsibility, a myth.

¹ В эпоху глобализации, когда возможность «окунуться» в информационный поток доступна каждому, и когда те или иные акторы профессионально и целенаправленно доводят кванты информации до определяемого ими «потребителя», тема исторической ответственности в политике памяти предстает в актуальном свете. Даже «среднестатистический» обыватель, не интересующийся историей и

политикой, обладает несравненно большим багажом исторических знаний, чем его предки. Эти знания не пребывают в состоянии хаотичного разброса, а структурированы по выстраиваемым внешним информационным давлением мифическим контурам.

Массово транслируемые мифологемы могут находиться в сознании обывателя в «замороженном» состоянии, могут актуализироваться в кризисных или других эмоционально окрашенных ситуациях, но, видимо, главная их роль заключается в конструировании «ситуации повода». Речь идет о предписанных человеку, социальной группе или населению целых государств историко-мировоззренческих представлениях, которые служат поводом для осуществления тех или иных политических действий, истинные причины которых лежат в совершенно иной (как правило, экономико-ресурсной) плоскости.

Актуализация конструктов исторической ответственности как нельзя лучше подходит для создания напряженных конфликтных ситуаций, разрешение которых требует мобилизации различных государственных и общественных структур. В политическом отношении важен тотальный характер противостояния, иллюзия вовлеченности в символический конфликт как можно более широких слоев населения, что позволяет высказываться от их имени и тем самым зарабатывать и накапливать символический капитал. Этнонациональный дискурс подходит для этого оптимально. Распространенная на постсоветском пространстве дефиниция «этнос» очень удобна для квазиобъяснения конфликтов и конструирования взаимных обид и претензий даже в отношении встречаемых в первый раз людей («этнос» – неформальная группа, кровнородственная в своей основе, с собственной территорией, самосознанием, психологическими чертами; «этнось» четко отличаются друг от друга, что позволяет делить людей на «своих» и «чужих»; «этнось» «укоренены» в истории, что продуцирует рассмотрение конфликта в длительной временной перспективе) [1, с. 240].

На постсоветском пространстве распространено примордиальное понимание этничности, благодаря чему конструкты исторической ответственности принимают формы, якобы, объективной заданности и необходимости, подводят к конкретным практическим шагам, что делает их еще более конфликтными. В этнонациональной перспективе историческая ответственность может принимать сакральную окраску, т.к. постулаты «национальных религий» подогревают настроения «святой кары» и восстановления заданного богом порядка. Таким образом, этнонационализм рисует жестко структурированную картину мира, причем современные реалии могут не укладываться в границы структурных сегментов, но сюжеты исторической ответственности потенциально призваны «расставить все по своим местам», «как было раньше» – до нарушения установленными «историческими судьбами» или «высшими силами» равновесия.

Зарубежным примером эксплуатации образов этнически окрашенной исторической ответственности служит Германия в период с XIX в. до 1945 г. Именно тогда окончательно складываются представления о гомогенной германской нации, обладающей собственным духом, исторической субъектностью, и противостоящей «бездуховному», «торгашескому» англо-саксонскому миру, который на протяжении столетий, якобы, строил козни против идущей «своим путем» Германии. Мифической исторической виной и, следовательно, «предусмотренной историей» ответственностью перед немцами идеологически обосновывались замешанные на геополитических фантазиях агрессивные внешнеполитические действия Германии до 1945 г. Именно этническая составляющая в форме образов культурно-биологической «арийской расы» позволила мобилизовать почти все население государства на борьбу за «историческую справедливость» после поражения в Первой Мировой войне. Однако тот же немецкий этнонационализм способствовал мобилизации немцев и на признание собственной вины и ответственности за преступления эпохи Второй Мировой войны, в частности, за Холокост. Таким образом, выявляется двойственная роль этнических представлений в создании конструктов исторической вины и ответственности. С одной стороны, тотальность этничности обеспечивает негативные последствия «восстановления исторической справедливости», например, притеснения и гибель ни в чем не повинных, но «приписанных» к «коллективной личности» людей, а с другой, как в случае Холокоста, она через коллективное покаяние способствует реабилитации и возмещению ущерба массам пострадавших.

Капитально исследовавший проблему исторической вины и политического покаяния Германии О.Ю. Пленков, как и Ян Ассман, выступает против представлений о том, что «коммуникация в обществе аналогична психодинамике личности отдельного человека» и фрейдистской интерпретации культуры памяти [2, с. 20]. С этой точкой зрения стоит согласиться, т.к. этническо-коллективистский принцип осмысления исторической ответственности ставит ряд трудноразрешимых проблем (вот только

некоторые из них: означает ли факт рождения право или ответственность считаться пострадавшими или виновными потомкам непосредственных участников событий? (ответственен ли получивший после 1945 г. гражданство США американец японского происхождения за атомные бомбардировки городов Японии?); почему конкретные факты показывают, что организованное массовое покаяние – это, в большинстве случаев, удел побежденных? (явная вина союзников за варварские, не имевшие военного значения, бомбардировки германских городов (показательный пример – уничтожение Дрездена) в массовом сознании не актуализируется и не уравнивает признаваемую самими немцами вину за Холокост); каким образом преодолеть автоматическую политизацию суждений о вине или страданиях того или иного народа?).

Советский и российский опыт модернизации также включал в себя социетально окрашенные мотивы исторической вины и ответственности за неё. В довоенный период «виновными» оказывались «враждебные классы», и большевистские историки создавали масштабные исторические конструкты этой вины (см., например, сюжеты классовой эксплуатации и гнета). Советской власти логичной формой ответственности эксплуататоров перед эксплуатируемыми виделась ликвидация «исторически изживших» себя классов и социальных групп (достаточно вспомнить «ликвидацию кулачества как класса»). Обоснование репрессий путем апелляции к прошлому не оставляло исполнителям сомнений в исторической оправданности их деяний, что, кстати, напоминало идеологическое обоснование нацистами Холокоста.

В военный и послевоенный периоды советская социальная мифология вместо классового приобрела выраженный этнический характер: теперь общественная жизнь (в прошлом и настоящем) определялась не столько борьбой классов, сколько сосуществованием народов.

Негативные аспекты тотального характера этничности, а следовательно, и приписываемых вины и ответственности сказались в практиках переселения в Великую Отечественную целых народов. Если в случае принадлежности человека (особенно, детей) к «классово чуждым» социальным группам еще можно было надеяться на снисхождение (многие лидеры большевиков сами были «не от сохи»), то в случае групп этнических последнее слово было за происхождением, и поэтому вина сотрудничавших с немцами и их союзниками людей перекладывалась на представителей всего народа, даже тех, кто уже успел получить награды за героизм в боях с Вермахтом.

Принципы сталинских депортаций напоминали принципы кровной мести, и видимо, определенным образом связаны с известным «архаическим поворотом» в политической и культурной жизни страны 1930-х гг. Современная «вина» при этом обрастала историческими конструкциями, которые добавляли практически реализуемому содержанию ответственности большей легитимности (например, крымские татары и поволжские немцы атрибутировались как некоренные жители соответствующих территорий, и депортация, в какой-то мере, была частью «ответственности» перед другими народами за захват в прошлом их «исконных» территорий). Вполне возможно, что, изучая идеологию врага – нацистскую расовую мифологию, Сталин всерьез воспринял замешанные на трактовках прошлого некоторые антисемитские построения (например, о евреях как, якобы, виновниках негативных черт капитализма), что и послужило затем причиной знаменитой борьбы с космополитами (данная гипотеза, кажется, еще не озвучивалась в литературе).

В послесталинское время доктрина дружбы народов, общесоюзный и региональные (этнонациональные) исторические нарративы, несмотря на декларации о дружбе и равноправии, исподволь конструировали сюжеты вины и потенциальной ответственности. Прежде всего, это касалось интерпретации переселений, территориальных захватов и войн прошлого.

В постсоветский период протекавшие ранее в основном в академических кабинетах дискуссии уже наэлектризовывали толпы многотысячных митингов, продолжением которых нередко становились вооруженные конфликты [3]. Этнически окрашенные образы исторической вины и ответственности становились определяющими в т.н. «межнациональных отношениях».

Интересным примером инструменталистского использования приписываемой ответственности могут служить конструкты крайне правого татарского этнонационализма, которые в начале 1990-х гг. были в своих интересах использованы региональной постноменклатурой. «Русское государство», русские в целом и проживавшие на тот момент в Татарстане, в частности, позиционировались «колонизаторами», виновниками уничтожения татарского Казанского ханства в 1552 г., религиозных и феодальных притеснений в последующем. Татарский народ позиционировался жертвой [4, с. 169, 170]

и частью ответственности русских должно было стать непротивление восстановлению «исторической справедливости», т.е. попыткам политической элиты Татарстана добиться большей степени суверенитета от символизировавшего «Русское государство» Федерального Центра.

Литература

1. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. 302 с.
2. Пленков О.Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб.: Владимир Даль, 2019. 511 с.
3. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 591 с.
4. Сагитова Л.В. Политика идентичности и её акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: Дис. ... докт. полит. наук: 23.00.05. Казань, 2019. 428 с.